

ОТРОК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Покоренная сила

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 3

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К78 Красницкий, Евгений Сергеевич

Отрок: Покоренная сила: роман / Евгений Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-17-099145-7

Уцелеть в бою, убить или обратить в бегство противника, конечно, победа, но вовсе не самая трудная. Во много раз труднее победить себя: увидеть грань между самоуважением и чванством, между гордостью и гордыней, между принципиальностью и упрямством. А увидев и поняв, суметь не переступить ее. Порой для этого нужно иными глазами посмотреть на окружающий мир, отказаться от привычных, устоявшихся за десятилетия взглядов. И совершенно неважно, когда формировались эти взгляды и привычки — в XX веке или в XII, потому что в любые времена справедливы слова: «Истинно силен тот, кто победил себя». Победа над собой — победа, при которой нет побежденных, потому что сила, которая повелевала тобой против твоей же воли, становится покоренной силой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099145-7

© Евгений Красницкий, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

*Апрель – май 1125 года,
село Ратное – Нинеина весь*

Выехав из Нинеиной веси с утра, Мишка с Роськой подъезжали к Ратному уже далеко за полдень. Накормленные Роськой щенки затихли в корзине, перестав возиться и попискивать, Мишка пригрелся около их пристанища, удобно пристроенная раненая нога не беспокоила, и старшина Младшей стражи начал задремывать. Роська тоже поклевывал носом, осовев то ли от монотонности дороги, то ли от резкого пополнения Мишкиными стараниями персонального тезауруса.

Рыжуха, умнющая скотина, почувствовав расслабленность пассажиров, не перешла на шаг, а по-прежнему топотала рысцей, но темп выбрала такой, который был удобен ей, а не задавался людьми. Дорога подходила к концу, вот-вот в просвете между деревьями должен был появиться ратнинский тын. Вдруг впереди, заставив Мишку с Роськой разом вздрогнуть, раздался отчаянный женский вопль. Через пару секунд – еще один.

– Что такое? А ну-ка, наддай!

Роська понукнул Рыжуху, но до того, как сани выкатились на берег Пивени, раздалось еще несколько воплей, слившихся в один сплошной вой.

На берегу Пивени стояла толпа — похоже было, что здесь собралось все население Ратного. Приглядевшись, Мишка понял, что на самом деле видит две толпы — вольные ратнинцы и холопы. Холопы стояли отдельно, на коленях и были окружены полукольцом ратников, верхами и в полном вооружении.

Особняком держались три всадника: дед в парадной шубе, крытой синим сукном, староста Аристарх, тоже одетый, как для торжественного случая, и Мишкин знакомец, ратник из десятка Луки — Афанасий. Афоню Мишка узнал с трудом, левый глаз и чуть не половина лица у того были закрыты повязкой.

На речном льду стояли сани без лошади. В них лицом вниз, с растянутыми ремнями руками и ногами, лежала обнаженная женщина. Рядом горбатилась жуткая фигура обозного старшины Бурей, который, ощеряясь так, что было видно даже издалека, хлестал лежащую в санях женщину кнутом. Бурей нанес очередной удар, откинул в сторону руку и расстелил на снегу кнутовище. Немного помедлил и снова полоснул с оттяжкой. Воздух прорезал новый отчаянный крик.

«Садист, падла, специально с паузами бьет, это больнее. Удовольствие получает, угребище, мог бы и одним ударом убить. Что же случилось-то?»

Еще несколько ударов. На последние два женщина не отреагировала, видимо, потеряла сознание. Бурей поднял голову и уставился на сотника Корнея, тот кивнул. Обозный старшина склонился над санями и принялся распутывать ремни, которыми были привязаны руки и ноги жертвы.

Мишка закутил головой, пытаясь высмотреть, кого бы можно было расспросить, и увидел, что от края толпы ему машет рукой Матвей.

– Роська, Матвея видишь? Давай туда.

Рыжуха единым махом перенесла сани через реку, с разгону выскочив на противоположный берег.

– Мотька, что тут такое?

– Холопку казнят, – Матвей мотнул подбородком в сторону Бурей. – Афоня ее вчера вечером изнасиловать хотел, а она ему полморды ногтями располосовала и глаз. Тетка Настена сомневается, что видеть будет. Утром сотник ее судил и приговорил казнить. Вот, казнят. Отец Михаил вмешаться хотел, да никто и слушать не стал, – Матвей безнадежно махнул рукой. – Алена его без памяти утащила. Смотрите, сейчас Бурей ее...

Бурей выкатил из саней забрызганный кровью чурбан, кинул на него приговоренную и взмахнул секирой. Толпа дрогнула, где-то вскрикнула женщина, запричитала еще одна... Бурей поднял над головой отрубленную по самое плечо руку.

Дед поднялся на стременах и заорал в полный голос:

– Зрите! Эту руку она подняла на своего господина!

Бурей, повинувшись очередному кивку Корнея, схватил бесчувственное тело за волосы и кинул в прорубь, рукоятью секиры пропихнул его под лед, потом спихнул ногой туда же и отсеченную руку. Дед снова заорал:

– Раб, поднявший руку на хозяина, повинен быть убитым, а буде раб убьет хозяина, повинны быть убитыми все рабы в доме! Так было, так есть и так будет впредь! Идите и помните!

«Господи, это же я ее Афоне подарил. Имени не знал, даже не видел никогда и судьбу ее решил. Как она кричала...»

– Старшина, что с тобой? – Мотька плюхнулся в сани рядом с Мишкой и потряс его за плечо. – Что, ногу опять разбередил?

– Это я ее убил... – враз помертвевшими губами пробормотал Мишка.

– Да что ты несешь-то? Роська, давай поехали, сейчас толпа в ворота полезет, не просунемся.

«Господи... Не поминай всуе, трепач! Я же не знал, что так выйдет... А кто Перваку подобную ситуацию живописал красочно? Пушкин? Одно дело языком трепать, а другое – своими глазами увидеть. Между прочим, уже вторая девка по твоей милости смертным криком кричит – одна в Турове на костре орала, вторая здесь, под кнутом. Иди теперь и повесься в сортире, интеллигент вшивый».

– Минь, да ты чего? – Роська пару раз несильно ткнул Мишку кулаком, но ответной реакции не дождался. – Мотька, что с ним?

– Откуда я знаю?

– Может, к Настене его?

– Да не знаю я! Давай к Настене, разворачивай.

– Не проедем, надо к главным воротам.

– Ну, давай к главным...

Сзади раздался топот копыт, и с высоты седла слышался злой голос деда:

– Михайла, видал? Вижу, что видал. Узнал свой подарок? А ты не беспокойся: Афоня обделенным не остался, там еще одна девка есть – помоложе. Вот ключица срстется, морда подживет – и опять... И Бурюшка не в обиде будет, ему не в тягость. Даже с удовольствием!

Дед зло подхлестнул коня и поскакал вперед.

«Ну-с, любезнейший, будем писать или будем глазки строгать? Вы еще считаете себя приличным человеком, или пора вешаться? Ах, считаете? Тогда чего сидим?»

– Роська! – даже собственный голос показался Мишке чужим. – Домой, быстро!

– Минь, может...

– Домой!!!

По пустым улицам села пронеслись вихрем, едва не сшибая углы, хотя дед все-таки догнать не смогли. Рыжуха внесла сани во двор чуть ли не галопом и протестующе захрапела, резко осаженная возле крыльца старого дома.

— Беги к Кузьме и возьми у него оба самострела — его и Демкин, — скомандовал Мишка Ростиславу.

— Минь, зачем самое...

— Выполнять приказ, десятник!!!

— Слушаюсь...

— Бегом!!!

Роська сорвался с места.

— И болты не забудь! — крикнул в спину крестнику Мишка и попросил Матвея: — Мотя, помоги из саней вылезти.

Утвердившись на костылях, Мишка, как только мог быстро, поковылял к входным дверям. На крыльце запнулся, чуть не упал, но Мотыка успел его поддержать. В доме подскочил к своей спальной лавке, костыли мешали нагнуться, и для того, чтобы добыть из-под лавки короб с нехитрыми пожитками, пришлось сесть прямо на пол. Мишка костылем выудил свое имущество, достал из короба кошель с серебром — туровскую добычу.

Поднялся было на ноги, но неловко ухваченный одной рукой вместе с костылем кошель выскользнул из пальцев. Часть монет выпала, раскатилась по полу. Матерясь чуть ли не в голос, Мишка снова опустился на пол и, ползая на животе, принялся собирать раскатившиеся монеты. Откатившиеся далеко подбирать не стал — лопнуло терпение. Затянул ремешком горловину кошеля, но узел никак не хотел завязываться.

«Кончайте психовать, сэр, от нескольких секунд ничего не зависит. Спокойствие, только спокойствие, как говорил один обладатель штанов с пропеллером».

Мишка плюнул на узел, обмотал ремешок вокруг горловины кошеля и сунул его за пазуху. Потом с криканием стал подниматься.

Возле саней никого не было — Роська еще не вернулся, Матвей куда-то ушел, а Рыжуха уже нацелилась занять свое законное место под навесом, среди остальной скотины, но остановилась перед оградой. Мишка

забрался в сани, тронул Рыжуху и развернул ее мордой к воротам. Из-за угла как раз выскочил Роська с двумя самострелами в руках.

— Минька, твой самострел уже починили, а себе я Демкин...

— Взводи, но болты пока не накладывай, — перебил крестника Мишка. — Готово? Поехали!

— Куда ехать-то? — Роська с тревогой оглянулся на Мишку, с которым явно творилось что-то ненормальное. Мишка и сам не понимал, почему так торопится, что любая, даже секундная, задержка выводит его из себя.

— К Афоне.

— Так я же не знаю...

— Сейчас направо.

Сзади ударил крик деда:

— Куда с оружием? Стой! Стой, кому говорю! Матюха, коня мне, быстро!

На улицах Ратного было людно — толпа еще не рассосалась по домам, особенно не разгонишься, но Мишка, пихая Роську в спину костылем, заставлял крестника использовать любую возможность прибавить ходу. Люди неохотно уступали дорогу, весьма нелицеприятно комментируя вслед их стиль вождения. Ехать пришлось через все село — почти к речным воротам. Пока доехали — наслушались.

Одна створка ворот на подворье Афони оказалась почему-то открытой, и Роська вписался в просвет, чудом не зацепившись санями за воротный столб. Рыжуха снова захрапела, задирая голову, — Роська тормозил, как гонщик «Формулы-1», в последний момент.

Еще на ходу Мишка прочел открывшуюся его взгляду мизансцену, благо, ничего сложного в этом не было — продолжение воспитательного процесса в сольном исполнении ратника девятого десятка Афанасия Романовича. Афоня, стоя перед группкой жавшихся друг

к другу людей, размахивал здоровой рукой и, чувствовалось, что с удовольствием, орал во всю глотку.

Перед Афоней стояли пятеро: мужчина, женщина, видимо, жена, девчонка лет четырнадцати и два мальчика. Мужчина был высок, широкоплеч, имел роскошную окладистую бороду и... по-детски наивное, перепуганное лицо с широко распахнутыми голубыми глазами. Мишка хорошо знал подобные лица еще по ТОЙ жизни. Матушка-природа расщедрилась на тело, но оказалась скаредной на разум.

Обычно такое сочетание сопровождается бычьим упрямством и агрессивностью, но изредка случается так, что нет даже и этих «добродетелей». Хрестоматийный пример – тридцатилетний недоросль, пребывающий под каблуком у мамочки, которая помыкает взрослым мужчиной, как дошкольником. Похоже, именно такой «глава семьи» Афоне и достался, только пребывал он не при мамочке, а при жене. Такое тоже случается.

Афоня токовал, как глухарь, не смог даже сразу остановиться, когда появились незваные гости.

– ...и без Буря обойдусь! Сам заporю насмерть! Пусть только хоть одна сука...

Мишка вылез из саней, забыв про костыли, спасибо Роське – поддержал, и вытащил из-за пазухи кошель с серебром. Афоня наконец закончил орать на холопов и, не понижая голоса, обратился к Мишке:

– Михайла! Здорово! А я вот тут... – объяснить, что «он тут», ратник не успел – брошенный Мишкой кошель ударился Афоне в грудь и упал ему под ноги, из раскрывшейся горловины выползли на снег монеты.

– Михайла, ты чего это?..

Афоня осекся, увидев направленные на него самострелы.

– Я их у тебя выкупаю! – Мишка махнул рукой холопам. – Эй! Собирайтесь!

— Михайла! Ты че... — снова было начал что-то говорить Афанасий, но заткнулся на полуслове: самострельный болт ударил ему под ноги — прямо в кошель, пробил его и застрял, наполовину уйдя в мерзлую землю.

— Пересчитывать будешь? — поинтересовался Мишка, не оглядываясь, сунул свой самострел Роське и тут же получил взамен другой — заряженный. Не услышав ответа на свой вопрос, он снова обратился к холопской семье: — Эй, вы! Вам, вам говорю! Собирайтесь! Или вам у Афони нравится?

Немая сцена, громом звучит щелчок вставшего на боевой взвод самострела. «Глава семьи» вопросительно пялится на жену, а та, похоже, что-то сообразив, подталкивает его в сторону сарая.

— Куда? А ну назад! — Афанасий, видимо чисто рефлексивно, попытался остановить холопов.

— Афоня! Даже и не думай! Как я стреляю, ты знаешь. Куда могу попасть — тоже.

Мишка демонстративно шевельнул самострелом, и здоровая рука Афони дернулась, прикрывая пах.

«Блин, ну натуральный вестерн. Клинт Иствуд явился на ранчо плохого парня восстанавливать справедливость. Как там по-ихнему: “Бед бойз маст дай”? Или что-то в этом роде. А ведь мочкану, если дернется, даже сомнений нет. Голливуд, едрит твою...»

— Всем стоять! — голос деда перекрыл топот копыт нескольких всадников. — Михайла, стрелялку наземь! Ну!!! Афоня, чего за хозяйство держишься, уже попало?

— Корней Агеич...

Уже в который раз Афоне не дали закончить начатую фразу, только теперь это сделал не Мишка, а его дед:

— Молчать! Роська, что тут происходит?

— Холопов выкупаем, — невинным тоном сообщил десятник Василий. — Вон серебро лежит.

Мишка оглянулся. Дед, Лука Говорун, еще четверо ратников верхами, а у ворот — толпа любопытствующих. И когда успели собраться-то?

— Ага... Кхе! И сколько дали?

— Гривну... С мелочью, деда.

— Афоня, доволен ценой?

— Корней Агеич...

— Молчать!

Афанасий изумленно вылупил на сотника.

— Ратник Афанасий ценой доволен! — громогласно объявил дед. — Эй, вы! Быстро собираться! Бегом!

Холопов как ветром сдуло. Афоня дернулся было их остановить, потом оглянулся на сотника, да так и застыл раскорякой — слишком уж быстро и непонятно для его простецкой природы все произошло.

— Десятник Младшей стражи Василий! — продолжил распоряжаться дед.

— Здесь, господин сотник!

— Старшина Михаил ранен и немощен. Грузи его в сани — и домой.

— Слушаюсь, господин сотник!

Роська подхватил Мишку под руку и помог усесться в сани.

— Корней, — подал голос Лука Говорун.

— Чего, Лукаша? — ласково отозвался дед.

— Парень твой моему человеку оружием угрожал, прямо в его доме. Не дело!

— Эх, Лукаша! — тон деда стал уж и совсем задушевым. — Да у меня двоих родичей и вообще застрелили. Правда, не в доме, а в лесу. Не слыхал?

— Гм...

— Это молодежь, Лукаша, нынче торгуется так — гривна с мелочью и болт в придачу.

— Да... Торговаться... Гм... По-разному можно... — пробормотал десятник и вдруг выверился. — Баба, скройся!!!

С крыльца дома Афони кто-то шмыгнул в дверь. Лука мрачно окинул взглядом растерянно стоящего посреди двора своего подчиненного.

— Я тебя, Афоня, доли лишил, а ты меня, своего десятника, кривым ходом обошел. Подумай теперь, пошло ли тебе это впрок? Посмотри-ка сам, что из этого получилось...

— Кхе! Верно говоришь, Лука, — не дал развить мысль своему говорливому десятнику дед, — кривые ходы, они того... до добра не доводят. Ладно, вы тут разбирайтесь, а мне недосуг. Не сочти за труд, пришли людишек, как соберутся, ко мне на подворье.

— Сделаем, Корней Агеич.

Роська уже разобрал вожжи и тронул сани к воротам, когда Мишка все-таки не выдержал и заорал так, чтобы слышно было и собравшимся на улице зевакам:

— Афоня! По Русской Правде, если раба понесла от хозяина и родила, то хозяин повинен дать ей волю, жилище и кормить, пока ребенок не вырастет! — и уже из-за ворот добавил: — Я тебя от оскудения спас, кобель блудливый!!!

* * *

У ворот лисовиновского подворья собрался весь семейный «женсовет»: мать, тетка Татьяна, обе Мишкины старшие сестры — Анька-младшая и Машка. Даже ключница Листвяна была здесь, хоть и стояла в сторонке. Дед, еще не доехав до ворот, закричал издалека:

— Бабоньки, чего сгрудились? Никак, женихов высматриваете? Глядите у меня, по улице всякие люди ходят, долго ли до беды. Я вот, к примеру, и вовсе неженатый.

Дед по-гусарски подкрутил ус и лихо подмигнул Листвяне. Женщины заулыбались. Раз дед веселый, значит, обошлось.

— Батюшка, что случилось-то? — на всякий случай все-таки спросила мать.

— Ох, Анюта, и не спрашивай! Такие страсти, такие страсти, — дед дурашливо схватился за голову. — Михайла с Афоней из-за холопов торговаться взялись, да так разгорячились, что твой старшенький Афоне чуть все на свете не отстрелил, насилиу растащили. Луку с десятком ратников на подмогу призывать пришлось. А тебе, Листвяна, докука — надо будет еще куда-то пять человек пристроить и скотину.

— Пристроим, Корней Агеич, — приветливо пропела ключница. — А ты, батюшка, откушал бы медку чарочку с устатку да от волнений. И Михайла Фролыч с Василием Михайлычем, поди, с утра не евши.

— Каким таким Василием Михайлычем? — не понял дед.

— Так вот... — Листвяна указала на Роську. — Имени природного батюшки мы не знаем, наверно, можно тогда по имени крестного отца... Или нельзя?

— Кхе! Ну ты и удумала... Даже и не знаю. Отца Михайла разве спросить, так он больной весь насквозь. Анюта, что думаешь?

— Пусть будет, батюшка, нельзя же человеку без отчества, — отозвалась мать.

— Да? А ты что скажешь, Василий... Кхе... Михайлович?

— Господин сотник, — Роська выскочил из саней и сдернул с головы шапку, — дозвожь доложить?

— Ну, докладывай. Кхе... Только шапку надень, застудишься.

— Это не старшина холопов выкупил, а я!

Мишка изумленно обернулся на крестника, но, увидев умоляющие глаза Роськи, прикусил язык.

— Я перед Господом обязан... — Роська запнулся, с трудом подбирая слова. — Мне через Святое креще-